

Б.Г. Островский

Остров Врангеля

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
Б11

Б11 **Б.Г. Островский**
Остров Врангеля / Б.Г. Островский – М.: Книга по Требованию, 2024. – 92 с.

ISBN 978-5-458-35267-3

ISBN 978-5-458-35267-3

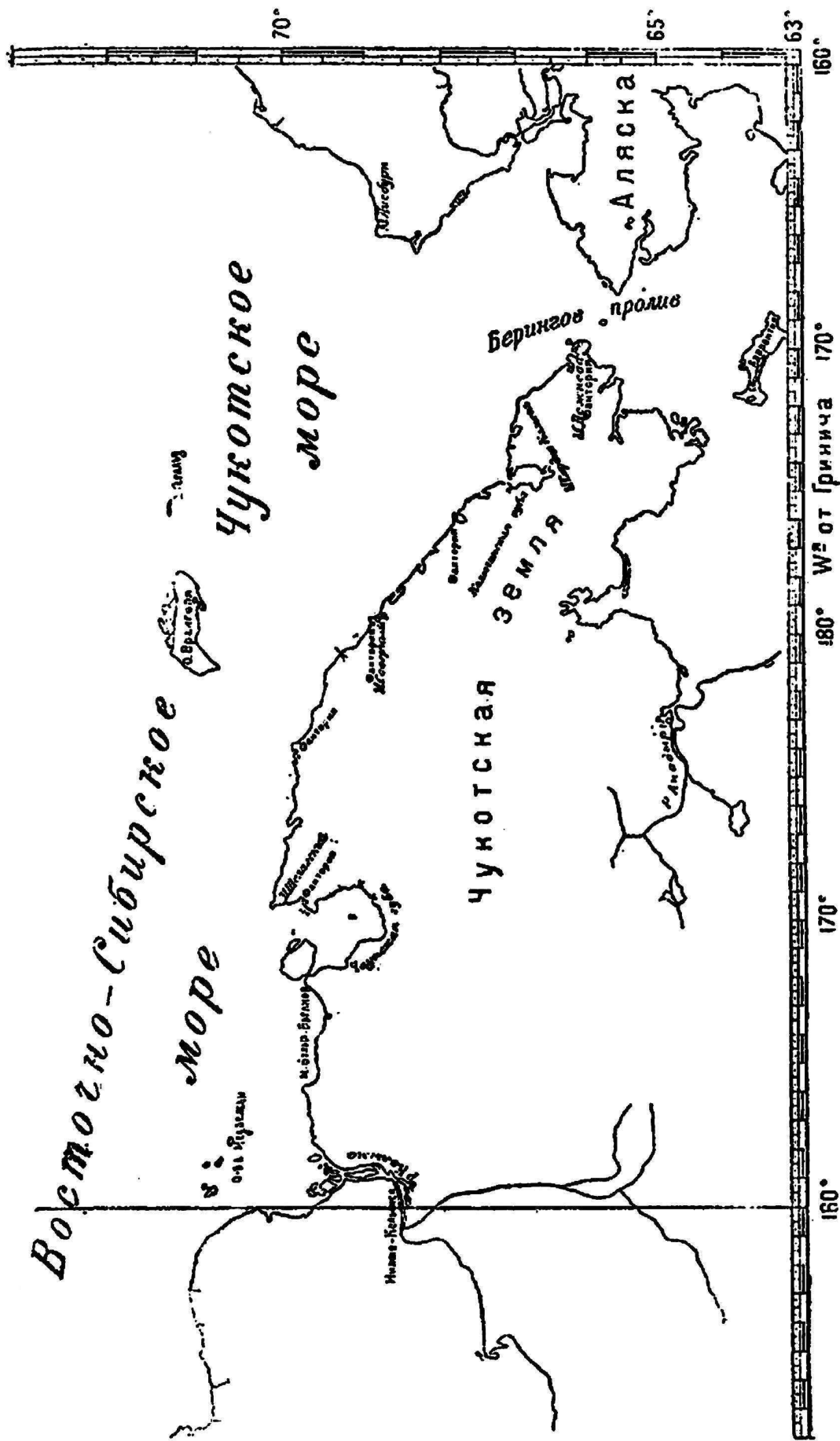
© Издание на русском языке, оформление
«УОУО Media», 2024
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Ориентировочная карта азиатского побережья от Колымы до Берингова пролива

остров Врангеля, все их усилия были направлены на достижение последнего. Они благополучно и достигают его и производят впервые обследование.

В 1911 году Врангеля посещает русское гидрографическое судно „Вайгач“. Результатом рейса „Вайгача“ явилось значительное расширение наших познаний об острове.

В 1913 году американский полярный исследователь Стефансон, оспаривая право русских на остров, организует туда экспедицию на судне „Карлук“ под командой выдающегося моряка и полярного исследователя Р. Бартлета. Попав в непроходимые льды, „Карлук“ погибает севернее острова Врангеля; части же экипажа удается по льду достичь острова.

В 1914 году „Вайгач“ вторично, но безуспешно пытается достичь острова Врангеля. В 1916 году русское правительство издает декрет о присоединении острова Врангеля к территории своего государства.

С 1921 года наши права на остров начинают оспаривать иностранцы. Осенью этого же года на остров отправляется под руководством канадца Крауфорда группа колонистов и присоединяет его к владениям Канады. Протест советского правительства канадскому не приводит к нужным результатам. В августе 1924 года из Владивостока, преодолевая чрезвычайно тяжелые препятствия, на остров отправляется ледокол „Красный Октябрь“ и восстанавливает наши права на него. Добыча канадцев была конфискована, а сами они сняты с острова.

После похода „Красного Октября“ в истории острова наступает новая, крайне плодотворная эра. 15 июля 1926 года на пароходе „Ставрополь“ под начальством Г. А. Ушакова отправляется на остров первая группа поселенцев из 6 русских и 50 чукчей и эскимосов. В 1929 году ледорез „Литке“ сменяет зимовщиков, водворяет сюда новую партию и сооружает радиостанцию для связи с материком. В 1934 году „Красин“ доставляет на остров третью смену и воздвигает ряд новых строений.

Значение острова Врангеля для нас не исчерпывается его промысловыми богатствами. Несомненно, не в столь уж отдаленное время остров обратит на себя еще большее внимание в связи с осваиваемым нами Северным морским путем, когда на остров падет функция важного узлового пункта.

Остров Врангеля, кроме того, — убедительный показатель технико-экономической мощи нашей страны, имеющей довольно средств и энергии, чтобы освоить и использовать даже самые отдаленные и труднодостижимые полярные окраины.

ИСТОРИЯ ОТКРЫТИЙ И ИССЛЕДОВАНИЙ НА ОСТРОВЕ ВРАНГЕЛЯ

В поисках неведомой территории

Открытие гористого, сурового острова Врангеля, затерявшегося в восточной части Ледовитого океана, имеет долгую и увлекательную историю. Редко попыткам достичь гипотетической территории предшествовало такое множество вымыслов, легенд и всякого рода преувеличений. Фантастический клубок сказаний и небылиц, смешанных с достоверными известиями о таинственном острове и его богатствах,— все это возбудило к нему особое внимание и интерес.

С проникновением русских мореходов и промышленников на восточносибирское побережье, попутно было разрешено множество географических проблем. Сильно было желание ознакомиться и с тем, что лежит впереди — в туманной дали ледяных просторов. Коммерческие интересы, стремление открыть новые источники наживы увлекали вперед, но непреодолимые ледовые препятствия всякий раз возвращали смельчаков обратно. Однако эти попытки не прекращались. А тут еще заманчивые фантастические рассказы местных жителей — чукчей об островах, которые они якобы видели впереди в ясную погоду, о птицах, летящих с севера, и пр. Воображение работает усиленным темпом; там вдали рисуются уже не острова, а целые земли, быть может, населенные людьми и обильные промысловым зверем.

Первые сведения об островах, расположенных впереди северовосточных сибирских берегов, сообщил в 1645 году основатель Нижнеколымского острога — казак Михайло Стадухин. Он поведал о том, как во время пребывания его на Колыме „некоторая женка“ сказывала ему, что „есть на Ледовитом море большой остров, который простирается против рек Яны и Колымы и с матерой земли виден“. Что за острова увидела „женка“—Новосибирские ли, Медвежьи ли — сказать, разумеется, трудно.

Далее, сорок лет спустя, смоленский воевода Мусин-Пушкин получает сведения, что недалеко от устья Колымы расположен большой и, что крайне любопытно отметить, населенный остров, а также, что Америка „не очень удалена от этой части Азии“. Эти сведения воевода пересылает в Москву к французскому иезуиту Филиппу Аврилю. Отсылкой сведений в Москву дело не ограничивается; в поиски населенных островов отправляются целые отряды, не достигая, однако, никаких положительных результатов.

В 1711 году, наслышавшись о неведомых землях, сибирский губернатор Гагарин организует экспедицию под руководством

Василия Стадухина. Экспедиция эта также не увенчалась успехом. Стадухин „видал по восточную сторону реки Колымы протянувшийся с матерой земли в море нос и вокруг одного лед непроходимый, а вдали не значилось никакого острова. Жестокою морскою погодою отнесло их назад, причем они едва спасли живот свой, потому что судно у них по тамошнему обычаю построено было худо“.

Наконец, промышленник Иван Вилегин, около 1720 года, впервые весною по льду посещает первую из неизвестных земель: то были Медвежьи острова. Сообщая об этом путешествии, Мусин-Пушкин пишет, что Вилегин „нашел землю, токмо не мог знать, остров ли, или матерая земля. За беспрестанными сильными ветрами и туманом невозможно было ему ездить вдоль по той земле, только приметил он на ней старые нарты и признаки, где прежде нарты стояли, а какие люди там жили, о том он не ведает. По его мнению, протянулась земля оная мимо реки Индигирки и Святого Носа до устья реки Яны, а с другой стороны простирается мимо колымского устья до жилищ шелагов, которые суть род чукчей. Сие ему сказал шелагский мужик Копай“.

Что за народ обитал в то время на Медвежьих островах, и по сию пору определить невозможно. Но что он обитал,— это несомненно: об этом свидетельствуют вплоть до самого последнего времени путешественники. Еще в 1925 году, побывавшие здесь на судне „Мод“ моряки нашли много остатков различных принадлежностей охоты и быта (каменные ножи, гарпуны, осколки посуды), а также старинные туземные постройки...

Наиболее серьезной попыткой проникнуть в неизвестные края является предприятие сибирского губернатора Соймонова, поручившего взяться за это дело участнику знаменитой беринговой экспедиции полковнику Плениснеру. Сам Плениснер, однако, не отправился в поход; он командировал в 1763 году из Анадыря на Чукотский полуостров обрусевшего чукчу Николая Дауркина, а сержанта Андреева — на Медвежьи острова.

Через два года Дауркин вернулся и сообщил, что „против Чукотского полуострова лежат как к северу в Колымском море, так и к востоку в Анадырском море, земли“. Об одной из этих земель, лежащей к северу в Колымском море, Дауркин сообщил следующее: земля эта, по имени Тикиген, в сильную бурю, как уверял он, отгонялась волнами и ветром на одну версту в сторону, когда же буря утихала, земля снова возвращалась на прежнее место.

Еще более пикантные сведения сообщил Дауркин о землях, расположенных к востоку от Чукотского полуострова. В рапорте, присланном Плениснеру, сказано: „На той большой земле есть лес такой толщиною, как можно человеку три или четыре раза охватить. Еще ж есть лес подобный тому как кость, другие

¹ Г. Ф. Миллер. Описание морских путешествий по Ледовитому и по Восточному морю, с Российской стороны учиненных.— Сочинения и переводы, к пользе и увеселению служащие. I, 1758.

такие леса, что за высотой и густым стоянием тех солнце мало видится. В той земле всякие звериные промыслы, а именно: лисицы голубые, чернобурые и черные, из коих лисиц те люди платья шьют и чукчам продают; также и оленного промыслу так предовольно бывает, что зачески делают и тут петли ставят и тем тех зверей промышляют довольно число. Еще есть в северной стороне оленные люди, коих называют эти чукчи Храхон, и у тех людей копыя и ножи медные, а медь у них красная. Говорят по-чукотски. Есть же особая земля, на коей живут весь женский пол, а плод имеют от морской волны, и рождаются все девки. Еще же есть земля, на ней живут люди... Питание имеют такое: когда сварят оленья мясо, то нюхают и в рот глотают один от мяса горячий пар и тем сыты бывают, а потом то вареное мясо бросают. Да есть же земля особливая, на ней живут маленькие люди; называют их чукчи пячучаны.¹

Все эти небылицы Дауркин повидимому позаимствовал у чукчей из их легенд и сказаний. Однако сообщение Дауркина, что на север от Чукотского полуострова простирается обширных размеров земля, является ценным и любопытным, так как впервые правильно намечает местоположение интересующего нас острова Врангеля.

Путешествие сержанта Андреева, отправившегося в поход в сопровождении казака Федора Татарина и юкагира Ефима Коновалова, протекало иначе. Выйдя в марте 1763 года из Нижнеколымска по направлению к устью реки Крестовой, он по льду переправился на Медвежьих острова. Инструкция поручала ему „с того пятого острова ехать на имеющуюся впереди к северной стороне большую землю“. Трудные условия передвижения, в связи с острым недостатком корма для собак, заставили его возвратиться обратно в Нижнеколымск. Что же касается местоположения „большой земли“, к которой он направлялся, то Андреев дал о ней крайне неопределенные сведения. Он сообщил лишь, что видел, равно как и его спутники, „в полуденной стороне камень“, „и в восточной стороне несколько к северу видна была только синь или чернь, но что она такое, море или матерая земля, сказать не могут“.

На следующий год, по настоянию Плениснера, оставшегося не удовлетворенным полученными им скудными сведениями, Андреев вновь отправляется в поход. Но и вторая экспедиция немного прибавляет к первоначальным сведениям. В составленном в 1785 году Чернышевым донесении о результатах вторичного похода Андреева мы читаем: „В 1764 году сержант Андреев с последнего из Медвежьих островов усмотрел в великой отдаленности полагаемый им величайший остров, куда и отправился льдом на собаках. Но, не доезжая того верст за двадцать, наехали на свежие следы превосходного числа на оленях в саниях неизвестных народов и, будучи малолюдны, возвратились в Колыму“.

¹ Л. Гельмерсен. К вопросу об открытии Врангелевской Земли. „Изв. Русск. Геогр. общ.“, XII, 1876.

Эти сведения имели, однако, большое влияние на дальнейший ход представлений относительно неведомой земли к северу от сибирских берегов и послужили предметом для многочисленных дискуссий. Земля эта получила даже наименование Земли Андреева. При обсуждении догадок, голоса, как обычно бывает в подобных случаях, разделились. Одни были на стороне Андреева и доказывали, что он подлинно своими собственными глазами видел неизвестную территорию (так думали, например, Петерман и А. Норденшельд), другие же, в том числе Карл Бер и Майдель, с большой резкостью отрицали это. Мы не будем долго останавливаться на этой дискуссии. Нас больше интересует сейчас, что увидел Андреев: остров ли Врангеля, или другую, еще и по сие время не открытую территорию?

Повидимому, первое предположение отпадает. Об этом свидетельствует указание самого же Врангеля. Когда в 1820 году, прибыв в Нижнеколымск на основную базу экспедиции, Врангель стал собирать у местных жителей сведения „о предметах, относящихся к цели экспедиции“, он к своему удивлению убедился, что здесь никто и не слышал об открытиях Андреева, а между тем о походах Павлуцкого, бывших гораздо ранее, местные жители знали в подробностях. „Замечательное открытие Андреева могло ли быть забыто, когда помнили поездку его к Медвежьим островам? Признаюсь, все сии соображения не поселяли в нас большого доверия к открытиям сержанта Андреева“, — замечает Врангель.

Но какую-то землю Андреев, вероятно, видел. В последнем случае перед нами — до сих пор не разрешенный вопрос.

Проф. В. Ю. Визе в своем интересном критическом анализе о гипотетической Земле Андреева¹ говорит, что „вопрос о существовании этой земли и в настоящее время остается не разрешенным“, ибо „наши сведения о режиме вод, окружающих белое пятно Земли Андреева, также не дают достаточных оснований, чтобы высказаться о существовании этой гипотетической земли в том или другом смысле“.

Вопрос о Земле Андреева интересен для нас не как указание сержанта Андреева на остров, получивший впоследствии наименование острова Врангеля (как мы убедились выше, этого острова Андреев увидеть не мог). Нам необходимо было лишь подчеркнуть, что в исторической последовательности событий, приведших к получению указаний об интересующем нас острове и стоящих в связи с путешествиями Врангеля, история работ Андреева сыграла немаловажную роль.

Знаменитое путешествие по северным берегам Сибири и по Ледовитому морю было выполнено Врангелем в период с 1820 по 1824 год; преследовало оно двоякую цель. Прежде всего необходимо было разыскать ту землю (на севере от Чукотского полуострова), существование которой, как мы видели, удостоверялось многими слухами; во-вторых, Врангелю пред-

¹ В. Ю. Визе. Земля Андреева. „Arctica“, книга I. Издание Всесоюзного Арктического института. Л. 1933.

писывалось произвести точнейшее описание берегов Сибири между Яной и Колымой и далее за Шелагским мысом. Для выполнения этого задания были сформированы два отряда: один под начальством лейтенанта Анжу должен был отправиться на реку Яну, другой же, которому предписывалось начать изыскания от реки Колымы, был поручен Врангелю.

Нас естественно больше интересует работа второго отряда. Отряд этот по численному составу был невелик. Помощниками Врангеля были — мичман Матюшкин, штурман Козьмин, доктор медицины Кибер, к тому же „сведущий по части естествознания“, слесарь Иванников и матрос Нехорошков, хорошо знакомый с плотничьим ремеслом.

В специально составленной для путешественников инструкции, Государственный Адмиралтейский департамент изложил цель и средства путешествия. Здесь особенно подчеркивался опыт прежних плователей по Ледовитому морю, уже достаточно ясно показавший, что производить в летнее время опись берегов на мореходных судах из-за льдов невозможно. Так, сержант Андреев, — пояснялось далее, — в 1763 году и Геденштром с геодезистом Пшеницыным в 1809—1810—1811 годах „в весеннее время, с удобностью по льду на собаках объезжали и описывали, первый — Медвежьи острова, а двое последних — Ляховские острова и Новую Сибирь“, а посему таковыми же способами надлежит руководствоваться и начальнику посылаемой экспедиции.

Иными словами, незаменимыми помощниками участников экспедиции должны были явиться собаки — единственно возможный транспорт для открытия „обитаемой земли, находящейся, по сказанию чукчей, в недалеком расстоянии.“ По подсчету самого Врангеля, для осуществления возложенных на него задач ему необходимо было 50 нарт и 600 собак! Целая собачья армия, которой ему, конечно, не удалось раздобыть.

Двухтомный труд Врангеля, изданный на русском языке в 1841 году¹ и затем переведенный на французский и английский языки, по всесторонности описания представляет выдающееся явление в географической литературе. Здесь содержатся самые разнообразные географические материалы: картины природы, описание страны, нравы и обычаи народонаселения, промыслы и богатства Сибири. Из всего этого богатого материала мы сможем использовать, разумеется, лишь немного, непосредственно относящееся к нашей теме.

Оба отряда экспедиции отправились из Петербурга в марте 1820 года и лишь в ноябре прибыли в Нижнеколымск на основную базу путешествия. Готовясь к предстоящей поездке, Врангель всего больше был озабочен подбором подходящих собак и их обучением. „В подобных занимательных для нас изысканиях, упражнениях на обсервации и опытах над скоростью бега собак проходило время неприметно, и каждый день научал нас чему-нибудь новому“.

¹ Впервые труд Врангеля появился в 1839 году на немецком языке с предисловием географа К. Риттера.

Непривычные к якутской зиме путешественники страдали от морозов настолько свирепых, что захватывало дыхание, а лед, по здешнему обычаю вставленный в окна вместо стекол, растрескивался. „В избе моей,— пишет Врангель,— пылал беспрестанно огонь, но, невзирая на то, в ней было так холодно, что я принужден был сидеть в шубе и теплых сапогах, и когда писал, то чернила мои отогревались в горячей воде“.

Близилось время отправления. Вместо 50 нарт и 600 собак он имел лишь 6 нарт с соответствующим числом собак. В дополнение к шести нартам, предназначавшимся лишь для продовольствия, были приготовлены еще три нарты, нагруженные приборами, снаряжением и одеждой.

18 февраля экспедиция тронулась в путь. Промежуточной базой Врангель избрал небольшой островок, расположенный в устье восточного рукава Колымы. Здесь он нашел сооруженные нижнеколымскими промышленниками два сарая, „служащие защитой от сильных морских ветров“. „Это подобие человеческого жилья называлось Сухарное. Местность, по которой продвигались наши путешественники, произвела на них самое безотрадное впечатление“. „Здесь глазам представляется,— замечает Врангель,— необозримая снежная равнина, и ужасное однообразие прерывается только кой-где выставленными ловушками для песцов. Со временем привыкаешь ко всему, но первое впечатление при виде необъятного пространства земли, покрытого саваном снегов, ни с чем не может сравниться; даже радуешься, когда ночь, покрывая все темнотою, производит какую-нибудь перемену“.

Отсюда, в конце февраля, отряд Врангеля двинулся вдоль берегов Ледовитого океана на восток, намереваясь, насколько позволят обстоятельства, продвинуться возможно дальше. Морозы, упорно державшиеся ниже — 30°, сильно тормозили продвижение наших путешественников. Приходилось часто разбивать палатку, чтобы отогреться чаем. Шесть тонких, длинных шестов, воткнутых в снег и связанных в верхних концах, обтягивались оленьими шкурами, получалась коническая палатка. „При бурной погоде,— замечает Врангель,— в сих странах обыкновенно господствующей, жилище наше было в беспрестанном движении и нагибалось то на ту, то на другую сторону, что нас нимало не беспокоило; гораздо неприятнее бывало, когда ветер срывал всю палатку. Но и к тому привыкли мы впоследствии и, покрывая внешние стороны палатки до некоторой высоты снегом, вовсе отклоняли такое неудобство“.

Установленный палаточный режим соблюдался Врангелем и во все его последующие путешествия по востоку Сибири. Путешествие совершалось обыкновенно в расстоянии от 50 до 300 сажен от морского берега, „море было покрыто твердою и гладкою снежною корою, по которой наши нарты, снабженные ледяными полозьями, так легко скользили, что собаки без всякого принуждения бежали очень скоро“. Убийственное однообразие раскинутых вокруг снежных равнин настолько удручало, что путники каждый раз испытывали особенную радость, встре-

чая по пути груды покинутого на берег плавника. Однако продвижению и производству различных наблюдений мешал холод. Например, при работе с секстантами, кожа пальцев и лица так примерзала к инструментам, что на пораженных местах образовывались воспаления и раны. Приходилось прибегать к особым предосторожностям, как то: обвертывать инструменты войлоком, при наблюдениях задерживать дыхание, „иначе стекла и зеркала мгновенно покрывались тонким слоем льда или инеем, что происходило даже от одной испарины нашего тела“. „Несмотря на то, мало-по-малу достигли мы такой ловкости, что производили наши наблюдения при 30° мороза, и ночью, при тусклом свете маленького ручного фонаря, с достаточной точностью сосчитывали на дуге секстанта градусы, минуты и секунды...“

Остроумное изобретение, введенное Врангелем для защиты собак от холода и поражений лап, заслуживает особенного внимания полярников. На лапы собакам надевался род обуви, сшитой из прочной кожи, „а более чувствительные, менее прочные покрытые волосами и замерзанию подверженные части тела“ обвертывались лоскутками шкур. Эта небольшая предосторожность принесла всем экспедициям Врангеля огромную пользу, сохранив в целости собак.

Наконец, путники достигли северозападной оконечности Шелагского Носа. „Путь около него,—повествует Врангель,—превозмогал трудностями и опасностью все, доселе нами испытанное. Часто принуждены были мы карабкаться на крутые, в девяносто футов вышиною, ледяные горы и с такой вышины спускаться по крутизне, находясь каждую минуту в опасности переломать сани, задавить собак или низвергнуться вместе с ними в ледяную пропасть. Иногда должны мы были пробираться по большим пространствам, проваливаясь по пояс в рыхлый наносный снег; иногда встречали мы между торосами не покрытые снегом места, усеянные острыми кристаллами морской соли, отдиравшими лед с полозьев нарт и до того затруднявшими езду, что мы должны были сами запрягаться и вместе с собаками, с величайшими усилиями тянуть сани, чтобы не остаться на дороге. Нагроможденные одна на другую льдины заслоняли нам мыс. В тех местах, где мы приближались к берегу, состоял он из черной, плотной и блестящей, неизвестной мне каменной породы и являлся в виде правильных, наклонно лежащих столбов до 250 футов вышиною, между которыми кой-где проглядывали в несколько сажен ширины, полосы белого мелкозернистого гранита. Мрачные черные утесы; веками нагроможденные никогда не растаивающие ледяные горы; необозримое вечным льдом скованное море, все освещенное слабыми скользящими лучами едва поднимавшегося над горизонтом полярного солнца; совершенное отсутствие всего живущего и ничем не прерываемая могильная тишина—представляли нам картину как будто мертвой природы, которую описать невозможно. Казалось, мы достигли пределов живого творения“.

Несмотря на все эти затруднения, Врангелю все же удалось обследовать берег еще на 55 км по ту сторону мыса и окон-

чательно убедиться, „что берег Азии миль на 40 к востоку от Шелагского мыса имеет юговосточное направление“. Мы обозначили предел нашей поездки пирамидою, сложенною из больших камней, недалеко от устья ручья на довольно значительном холме и определили его положение в $70^{\circ}0'37''$ широты и $171^{\circ}47'$ долготы к востоку от Гринвича. Пирамида сия отстоит от Сухарного на 418 верст“. Итак, Врангель, удостоверившись, что на север далее простирается море, тем самым опроверг мнение, что в этом месте находится перешеек, соединяющий Азию с Америкой.

Возвращаясь обратно, путники, к несчастью своему, обнаружили, что оставленные ими на дороге склады с провиантом разрыты и съедены песцами и росомахами. Последние дни они вынуждены были поэтому, „томясь голодом, продолжать путь на обессиленных и измученных собаках“. 13 марта, после долгого отсутствия, преодолев 1197 км, крайне усталые, путешественники вернулись в Нижнеколымск.

На следующий год Врангель снова отправляется в поход. 15 марта он снова в Сухарном, а через десять дней с 22 хорошо снаряженными нартами, растянувшимися на целых полкилометра, выступает к Малому Баранову камню, откуда намеревается идти уже прямо в открытое море на поиски неизвестной земли. Опыт предыдущего года дал Врангелю очень многое; все, что было недостаточно учтено и предвидено в прошлую поездку, теперь было устранено, и всякая деталь тщательно продумана. „Нарты, каждая с грузом в 30 пудов, были плотно обвернуты и обвязаны; полозья, облитые несколько раз водою, снабжены были толстыми ледяными тормозами; собаки, отдохнувшие и хорошо откормленные, видимо поправились“. Для путешествия по льду предосторожности эти были особенно необходимы.

У Баранова камня перед путешественниками открылась „необозримая, гладкая ледяная равнина. Словно острова среди океана, подымались на ней изредка отдельные блестящей белизны льдины. Надежда на быстрое и безостановочное путешествие изгладилась у нас из памяти всякое воспоминание о перенесенных трудах. Сначала мы смотрели на ровную, неподвижную поверхность с приятным чувством, какое испытывает мореходец, выбравшись в открытый океан из опасных прибрежных отмелей. Вскоре, однакож, уверились мы в бесконечном различии между оживленным, непрерывно движущимся океаном и убийственной однообразностью окружавшей нас ледяной пустыни, вид которой утомлял взор и наводил невольное уныние на человека“.

Вихрем понеслись собаки по гладкой поверхности моря. В короткое время в прямом направлении на север проехали 13 км. Необозримые снежные степи, ярко отражавшие лучи света, уже на второй день пути стали болезненно раздражать глаза. Врангель и его спутники надели очки, а иные и просто завязали глаза, на остановках же смачивали их вином. А вот каким способом лечились проводники: „Они насыпали по вечерам в глаза несколько нюхательного табаку и после мучительной ночи чувствовали на утро значительное облегчение“. Избегая ослепитель-